PG
2013
A65
vol. 64
1899

Sbornik.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti.

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

64

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1899 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1895 годъ:

I. За январь — май 1895 г. . . . . I—VII
II. » сентябрь — декабрь 1895 г. . . . . VII—XVIII

Приложенія къ протоколамъ:

I. *Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ* доктора славянской филологіи П. А. Лаврова. . . . . XIX—XXVI
II. *Отчетъ* проф. Императорскаго Варшавскаго университета И. П. Филевича . . . . . XXVII—XXXIII
III. *Правила о преміяхъ имени А. С. Пушкина.* XXXIII—XXXV

Приложенія:

А. А. Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи св. Ѳеодосія . . . . . № 1. 1— 20
А. Н. Веселовскій. Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены . . . . . № 2. 1— 15
П. А. Сырку. Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика . . . . . № 3. 1— 19
М. Н. Сперанскій. Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава. . . . . № 4. 1— 23
Л. Н. Майковъ. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капписту . . . . . № 5. 1— 8
А. Н. Веселовскій. Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній . . . . . № 6. 1— 52
М. И. Сухомлиновъ. Къ біографіи Ломоносова . . . . . № 7. 1— 15
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1895 годъ, составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . . . . . № 8. 1— 21

СТРАН.

Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году. . . . . № 9. 1—116

1. Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1895 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. 1— 20
2. Разборъ перевода П. И. Вейнберга трагедіи Шиллера: «Марія Стюартъ», составленный проф. А. И. Кирпичниковымъ . . . . . 21— 51
3. «Сочиненія А. Лугового. Три тома. СПБ. 1895 г.»—Рецензія, составленная К. К. Арсеньевымъ . . . . . 51— 71
4. Разборъ книги г. К. Случевскаго — «Историческія картинки. — Разные разсказы» (Изд. 2, Спб. 1894.), — составленный Вл. С. Соловьевымъ . . . . . 72— 97
5. «Федра», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ Ж. Расина. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Л. Поливанова, Москва 1895». — Рецензія, составленная Ѳ. Д. Батюшковымъ . . 98—116

Отчетъ *о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году* . . . . . № 10. 1— 72

1. Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго, читанный въ Публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1895 г., Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, ордин. академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. . . . . 1— 7
2. Акад. И. В. Ягича разборъ сочиненія проф. П. А. Кулаковскаго — «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава, 1894.». . . . . 7— 19
3. В. Н. Щепкина — разборъ труда проф П. А. Лаврова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка». . . . . 20— 64
4. Проф. А. И. Соболевскаго разборъ труда проф. А. Л. Дювернуа: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка (М., 1894.)». . . . . 65— 72

Отчетъ *о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г.* № 11. I—II и 1—158

1. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1895 г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордин. акад. А. Ѳ. Бычковымъ . . . . . I—II
2. Разборъ сочиненія Г. К. Ульянова: «Значенія

СТРАН.

глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. I часть: Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава, 1891. — II часть: Основы, обозначающія различія по видамъ. Варшава, 1895», — составленный Ф. Ѳ. Фортунатовымъ. 1—149

Заключеніе . . . . . 150—152

Дополнительныя примѣчанія . . . . . 153—158

Ѳ. Браунъ. *Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній:* I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ. *Съ двумя картами.* № 12. XX + 1—392

Предисловіе (с. V—X). Списокъ сокращеній (с. XVI—XX). — Вступленіе (с. 1—23). — *Готы и ихъ сосѣди до V в.: Первый періодъ: Готы на Вислѣ* (с. 25—341): Географическое положеніе Готской земли (с. 25). — Западные сосѣди Готовъ (с. 32). — Югозападные сосѣди Готовъ (с. 38). — Сарматія (с. 69). — Экскурсъ I: Этнологія прикарпатскихъ областей до прихода славянъ (с. 132) — Когда и откуда явились Готы въ низовья Вислы? (с. 256). — Экскурсъ II: Мотивъ скандинавской прародины у другихъ материковыхъ Германцевъ (с. 308). — Венеды на Балтійскомъ побережьѣ (с. 331). — Вліяніе Славяно-балтійскихъ языковъ на вандильскіе (с. 336). — Заключеніе (с. 341). — *Приложеніе I*: Объяснительная записка къ картамъ (с. 343). — *Приложеніе II*: Таблица разстояній на картѣ Птолемея (с. 361). — Поправки и дополненія (с. 369). — Указатель (с. 377—392).

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1896_64_contents

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ЯНВАРЬ — МАЙ 1895 г.

Г. Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что одинъ изъ сотрудниковъ Словаря русскаго языка д-ръ Л. Ѳ. Змѣевъ, печатающій въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Русскіе Врачебники", обратился къ нему съ просьбою исходатайствовать разрѣшеніе прочитать въ Отдѣленіи выводы, къ коимъ привело его изученіе этихъ памятниковъ древней литературы. Опредѣлено предложить г. Змѣеву прочесть означенное сообщеніе въ слѣдующемъ засѣданіи Отдѣленія, о чемъ и извѣстить его.

Приглашенный въ засѣданіе Отдѣленія д-ръ Л. Ѳ. Змѣевъ прочелъ сообщеніе о „Русскихъ древлеписанныхъ врачебникахъ", въ которомъ познакомилъ присутствующихъ съ содержаніемъ своего сочиненія о такъ называемыхъ „Лѣчебникахъ", печатаемаго Обществомъ любителей древней письменности, и представилъ выводы, къ коимъ привело его изученіе цѣлаго ряда рукописей съ XI-го по XVIII вѣкъ.

Читано обширное письмо д-ра славянской филологіи П. А. Лаврова на имя Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи (отъ 25 марта сего года), въ которомъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о своей поѣздкѣ по славянскимъ землямъ и о наиболѣе любопытныхъ рукописяхъ, видѣнныхъ имъ въ разныхъ библіотекахъ. (Письмо это въ извлеченіи см. ниже въ приложеніи I). Относительно препровожденнаго при письмѣ рукописнаго сборника текстовъ апокрифическаго содержанія,

г. Лавровъ сообщаетъ, что въ немъ заключаются большею частію списки уже извѣстныхъ текстовъ, но за то почти всѣ они *юго-славянскаго* происхожденія. Руководясь примѣромъ Н. С. Тихонравова, который печаталъ одинъ и тотъ же апокрифъ по нѣсколькимъ, даже и позднимъ спискамъ, г. Лавровъ считаетъ свой трудъ не напраснымъ. Имѣя въ виду предварительный просмотръ апокрифовъ Отдѣленіемъ, онъ снабдилъ каждый изъ нихъ краткими замѣчаніями, которыя, если Отдѣленіе согласится напечатать предлагаемые тексты, онъ расширитъ, давъ характеристику языка каждаго апокрифа и указавъ его литературное значеніе въ ряду другихъ текстовъ; онъ вызывается также составить указатель наиболѣе любопытныхъ словъ.

По прочтеніи этого письма и представленіи на просмотръ присланныхъ г. Лавровымъ восьми текстовъ апокрифическихъ сочиненій, съ краткими о нихъ замѣтками, г. Предсѣдательствующій, считая эти предлагаемые къ изданію и нынѣ доставленные на предварительный просмотръ Отдѣленія тексты любопытными по языку, а обнародованіе ихъ полезнымъ для науки, предложилъ Отдѣленію, не найдетъ ли оно возможнымъ согласиться на предложеніе г. Лаврова напечатать собранные имъ тексты въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ Сборника съ его замѣчаніями и вводными статьями. По обсужденіи означеннаго предложенія, Отдѣленіе опредѣлило: напечатать тексты, собранные г. Лавровымъ, въ Сборникѣ и просить его снабдить ихъ своими замѣчаніями, вводными статьями и объяснительнымъ указателемъ наиболѣе любопытныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстахъ; бывшія же на разсмотрѣніи Отдѣленія тетради возвратить нынѣ г. Лаврову для приготовленія къ изданію.

Читана записка члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Г. И. Куликовскаго (отъ 8-го апрѣля сего года изъ Москвы), съ предложеніемъ Отдѣленію напечатать собранные имъ, г. Куликовскимъ, словарные матеріалы по олонецкому нарѣчію. Г. Куликовскій уже давно приступилъ къ ихъ собиранію, и записывалъ слова не только самъ на мѣстѣ, но и извлекалъ ихъ изъ печатныхъ источниковъ и сборниковъ.

Его собраніе словъ, до сводки по гнѣздамъ, заключало въ себѣ до 20000 карточекъ, всего на 20—25 печатныхъ листовъ. Въ настоящее время уже окончательно переписаны и приведены въ порядокъ слова отъ буквы А до К и тѣ буквы, на которыя имѣется ограниченное количество словъ, именно буквы У—Я, всѣ же остальныя необходимо еще сводить вмѣстѣ и переписывать. Дальнѣйшая обработка матеріала задерживается по той причинѣ, что помимо служебныхъ занятій г. Куликовскому приходится брать разныя частныя работы, а потому онъ обращается къ Отдѣленію съ просьбою не отказать ему въ матеріальной помощи на то время, пока имъ будетъ приготовляемъ къ печати его трудъ, чтобы имѣть возможность, отложивъ на время частные заработки, болѣе досуга удѣлять работамъ по обработкѣ и перепискѣ собранныхъ имъ словарныхъ матеріаловъ и тѣмъ самымъ ускорить ихъ обнародованіе.

Въ дополненіе къ означенному письму г. Куликовскаго, А. А. Шахматовъ предложилъ вниманію Отдѣленія образцы его труда, присовокупивъ, что г. Куликовскаго хорошо знаетъ проф. В. Ѳ. Миллеръ, что онъ человѣкъ, живущій исключительно частнымъ заработкомъ, трудолюбивый, вполнѣ заслуживаетъ нравственной и матеріальной поддержки со стороны Отдѣленія, и что онъ, будучи уроженцемъ Олонецкаго края, положилъ много труда на собираніе указаннаго словарнаго матеріала и по мѣрѣ возможности не перестаетъ трудиться надъ нимъ и по настоящее время.

По прочтеніи записки г. Куликовскаго и выслушаніи заявленія А. А. Шахматова, Отдѣленіе опредѣлило просить А. А. Шахматова снестись съ В. Ѳ. Миллеромъ, лично знакомымъ съ Г. И. Куликовскимъ, для сообщенія послѣднему, что Отдѣленіе, по обсужденіи его предложенія, соглашается печатать собранные имъ словарные матеріалы по олонецкому нарѣчію въ алфавитномъ порядкѣ, а не по гнѣздамъ, подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ былъ уже изданъ „Словарь областного Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи“ Подвысоцкаго, и предположило назначить въ пособіе г. Куликовскому до трехсотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы эта сумма выдавалась по частямъ, напр. за каждую приготовленную имъ къ печати букву или часть Словаря.

Читано письмо г. Куликовскаго (изъ Москвы отъ 11 мая

сего года), адресованное А. А. Шахматову, въ которомъ онъ, извѣщая о посылкѣ начала рукописи составляемаго имъ Олонецкаго словаря, пишетъ, что она была бы болѣе по объему, еслибъ отъ него не потребовали новой (не погнѣздной, а алфавитной) группировки матеріала и проситъ сообщить желаетъ ли II-е Отдѣленіе печатать всѣ обозначенія, являющіяся результатомъ сравненій собраннаго имъ матеріала, съ Словаремъ Даля. Если нѣтъ, то, по мнѣнію г. Куликовскаго, вся его работа по сравненію является лишнею и только будетъ тормозить дѣло, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе новой группировки (алфавитной), отличающейся отъ группировки Даля (по гнѣздамъ), и сравнивать съ нимъ становится очень затруднительно. Относительно сроковъ представленія обработаннаго уже матеріала по частямъ, г. Куликовскій назначаетъ 20-е или 1-е число каждаго мѣсяца и съ своей стороны предполагаетъ лѣто остаться въ Москвѣ и продолжать работу надъ словаремъ, а если на іюль мѣсяцъ и предприметъ поѣздку въ Петрозаводскъ, то обѣщаетъ и тамъ не оставлять своей работы.

По выслушаніи означеннаго письма и обсужденіи поставленныхъ въ немъ вопросовъ, Отдѣленіе опредѣлило печатать собранный г. Куликовскимъ словарный матеріалъ въ алфавитномъ порядкѣ безъ всякихъ сличеній съ Толковымъ Словаремъ живого великорусскаго языка Даля.

По прочтеніи г. Предсѣдательствующимъ правилъ объ единовременной преміи за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ и составленнаго академикомъ А. Н. Веселовскимъ критическаго отзыва о рукописномъ сочиненіи неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ девизомъ: „Amat victoria curam,“— подъ заглавіемъ: „Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера“, въ виду того, что комиссія, образованная изъ академиковъ М. И. Сухомлинова и А. Н. Веселовскаго признала автора вышеуказаннаго сочиненія заслуживающимъ награжденія преміею въ полномъ размѣрѣ, былъ вскрытъ запечатанный пакетъ, въ коемъ заключалась записка съ именемъ и обозначеніемъ мѣста жительства автора; таковымъ оказался В. Е. Чешихинъ, проживающій въ г. Ригѣ. Отдѣленіе постановило: присудить г. Чешихину полную премію въ тысячу рублей, изъ которой выдать ему теперь же пятьсотъ рублей, а остальные пятьсотъ рублей по

представленіи имъ въ Отдѣленіе печатнаго экземпляра, вмѣстѣ съ рукописью.

Доложено полученное отъ В. Е. Чешихина письмо (отъ 7-го мая с. г.), въ которомъ онъ выражаетъ искреннюю признательность за награжденіе премією его сочиненія „Жуковскій какъ переводчикъ Шиллера". Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ Отдѣленіе рукописный трудъ приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳ. А. Брауна при слѣдующей запискѣ: „Прошу позволенія обратить вниманіе Отдѣленія на трудъ приватъ-доцента Санктпетербургскаго университета Ѳ. А. Брауна, приготовленный имъ къ печати подъ заглавіемъ: „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній", и вмѣстѣ предлагаю его къ напечатанію въ изданіяхъ Отдѣленія. Лишь небольшой его отрывокъ („Готы въ Крыму") появился въ печати въ приложеніи къ годичному отчету Реформатскаго училища и тогда же былъ встрѣченъ одобрительно нѣмецкой критикой; теперь онъ значительно переработанъ Но главный интересъ труда не столько въ его исторической, сколько въ филологической части, и здѣсь онъ отвѣчаетъ задачамъ Отдѣленія.

Содержаніе сочиненія г. Брауна слѣдующее:

Вступленіе: Такъ называемый готскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Руси.

Глава I: Историческія данныя о готахъ въ Россіи. Первый періодъ исторіи готовъ: готы на нижней Вислѣ. Отношенія ихъ къ гаутамъ Скандинавіи и гутамъ острова Готланда.— Второй періодъ: готы въ южной Россіи.

Глава II: Послѣднія судьбы крымскихъ готовъ. Исторія готскаго княжества въ Крыму. Результаты экскурсіи Ѳ. А. Брауна въ Крымъ и на побережье Азовскаго моря.

Глава III: Опытъ сравнительнаго изученія гото-славянскаго именослова.

Глава IV: Германскія заимствованія въ славянскомъ словарѣ. Опытъ хронологическаго опредѣленія наслоеній въ составѣ заимствованныхъ словъ".

Отдѣленіе, разсмотрѣвъ сочиненіе г. Брауна, опредѣлило напечатать его въ Сборникѣ, сдѣлавъ для автора отдѣльные оттиски. Печатаніе труда г. Брауна будетъ производиться подъ наблюденіемъ академика А. Н. Веселовскаго.

Академикъ Л. Н. Майковъ заявилъ, что во время своей недавней поѣздки въ Москву онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми новыми матеріалами для біографіи Пушкина и для изданія его сочиненій и частію получить эти матеріалы въ свое распоряженіе. Такъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ академикъ Майковъ нашелъ нѣсколько документовъ о службѣ Пушкина въ Иностранной Коллегіи, а въ библіотекѣ этого архива — два письма поэта къ барону М. А. Корфу и Н. А. Дуровой, записки И. И. Пущина о его знакомствѣ съ Пушкинымъ, существующія въ печати лишь съ значительными пропусками, и письмо князя П. А. Вяземскаго о смерти Пушкина; управляющій названнымъ Архивомъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ изъявилъ согласіе выслать всѣ означенные матеріалы въ Академію для пользованія академика Майкова. Затѣмъ, чрезъ посредство А. Н. Гонецкаго академикъ Майковъ имѣлъ случай разсмотрѣть бумаги С. Д. и Н. С. Киселевыхъ. С. Д. Киселевъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Пушкину, и два письма послѣдняго сохранились въ его бумагахъ. Тутъ же уцѣлѣлъ альбомъ его супруги, Елизаветы Николаевны, рожденной Ушаковой, со множествомъ рисунковъ Пушкина. Въ бумагахъ Н. С. Киселева нашлись его замѣтки о знакомствѣ его родителей съ Пушкинымъ и автобіографическія воспоминанія Е. Н. Киселевой. Всѣ эти бумаги, а равно неизданныя стихотворенія Н. М. Языкова и его письма къ Н. Д. Киселеву, относящіяся ко времени ихъ совмѣстнаго ученія въ Дерптѣ, получены академикомъ Майковымъ въ его пользованіе.

Кромѣ названныхъ матеріаловъ, академикъ Майковъ получилъ отъ служащаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ А. В. Орѣшникова, свѣдѣніе о существованіи неизданныхъ писемъ Пушкина въ рукахъ г. Карелина, живущаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Наконецъ, графиня П. С. Уварова обѣщала доставить академику Майкову неизданныя автобіографическія воспоминанія своего тестя, графа С. С. Уварова, а г-жа Россолимо—записки своего дѣда, генерала П. С. Пущина, съ которымъ Пушкинъ былъ знакомъ въ бытность свою въ Кишиневѣ.

При этомъ адъюнктъ А. А. Шахматовъ заявилъ, что въ его рукахъ находятся подлинники писемъ Пушкина къ А. А.

Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву, печатавшихся до сихъ поръ лишь съ копій и въ не полномъ видѣ. А. А. Шахматовъ изъявилъ готовность доставить означенныя письма академику Л. Н. Майкову.

Г. Предсѣдательствующій представилъ Отдѣленію полученные имъ отъ И. И. Куриса принадлежащіе ему автографы А. С. Пушкина. Эти автографы переданы академику Л. Н. Майкову.

ЗА СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1895 ГОДА.

Нашъ Полномочный и чрезвычайный посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ, представляя на разсмотрѣніе Академіи Наукъ экземпляръ перваго тома болгаро-русскаго словаря, составленнаго бывшимъ нашимъ вице-консуломъ въ Филиппополѣ Найденомъ Геровымъ, обратился съ просьбою оказать пособіе г. Герову, которое дало бы ему возможность продолжать печатаніе этого труда. Отдѣленіе опредѣлило обратиться съ просьбою разсмотрѣть и дать отзывъ о достоинствѣ словаря г. Герова къ знатоку болгарскаго языка, его діалектологіи и исторіи, профессору Императорскаго Харьковскаго университета М. С. Дринову, сообщившему нынѣ Отдѣленію разборъ этого труда, который имѣетъ быть напечатанъ въ одномъ изъ изданій Отдѣленія.

Читано препровожденное при письмѣ г. Непремѣннаго секретаря отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Августѣйшаго Президента Академіи (отъ 25 іюня 1895 года), въ которомъ Его Сіятельство сообщаетъ, что извѣстный этнографъ коллежскій ассесоръ П. В. Шейнъ въ настоящее время озабоченъ изданіемъ подготовленнаго въ теченіе многихъ лѣтъ весьма обширнаго рукописнаго собранія великорусскихъ пѣсенъ, заслуживающаго серьезнаго вниманія не только ученыхъ, но и всего русскаго общества, интересующагося памятниками народной поэзіи и что замѣчательный этотъ трудъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть изданъ самимъ собирателемъ, по причинѣ неимѣнія необходимыхъ на то денежныхъ средствъ.—

Въ виду того, что Императорская Академія Наукъ уже разъ отнеслась сочувственно къ дѣятельности г. Шейна и признала его достойнымъ матеріальной поддержки,— графъ И. Д. Деляновъ обращается къ Его Императорскому Высочеству съ покорнѣйшею просьбою, не изволитъ ли Его Высочество признать возможнымъ предложить на обсужденіе Академіи вопросъ объ изданіи на ея средства Сборника великорусскихъ пѣсенъ Шейна. Отдѣленіе, выслушавъ означенное отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія и обсудивъ просьбу г. Шейна, опредѣлило сообщить г. Непремѣнному секретарю Академіи, что оно не находитъ возможнымъ высказать въ настоящее время ничего положительнаго до тѣхъ поръ, пока не будетъ представленъ на его разсмотрѣніе сборникъ г. Шейна въ полномъ его составѣ и въ окончательной обработкѣ.

Академикъ А. Н. Веселовскій, подъ наблюденіемъ котораго печатается въ Сборникѣ Отдѣленія трудъ лектора нѣмецкаго языка при Императорскомъ Санктпетербургскомъ университетѣ Ѳ. А. Брауна подъ заглавіемъ: „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній“, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о желаніи автора приложить къ своему сочиненію карту Европы, составленную имъ примѣнительно къ даннымъ, сообщаемымъ Птоломеемъ. Отдѣленіе, сознавая пользу приложенія подобной карты для уясненія текста вышеуказаннаго сочиненія, опредѣлило разрѣшить академику А. Н. Веселовскому сдѣлать заказъ означенной карты.

Г. Предсѣдательствующій прочиталъ полученное имъ отъ академика И. В. Ягича письмо изъ Вѣны отъ 1 октября, въ которомъ онъ, между прочимъ, передаетъ предложеніе одного изъ молодыхъ московскихъ ученыхъ С. Н. Северьянова— снять фотографически хранящуюся въ Люблянѣ (Лайбахѣ) половину славянской рукописи XI в., извѣстной подъ именемъ Супрасльской, и такимъ образомъ обезпечить этотъ замѣчательный памятникъ славянской письменности отъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Проѣздомъ въ Венецію г. Северьяновъ вошелъ въ переговоры съ однимъ фотографомъ, который согласился сдѣлать полный фотографическій снимокъ за 500 гульденовъ (т. е. приблизительно за 400 рублей). Если послѣдуетъ согласіе на это предложеніе, г. Северьяновъ го-

товъ снова поѣхать въ Любляну и наблюдать тамъ за ходомъ дѣла. Отдѣленіе вполнѣ сочувственно отнеслось къ предложенію г. Северьянова и, находя сумму 400 р., требующуюся на покрытіе издержекъ по изготовленію снимковъ,— не высокой, выразило желаніе, чтобы за эту сумму, съ нѣкоторою даже къ ней прибавкою, были предоставлены въ полную собственность Отдѣленія и самые негативы. Такое рѣшеніе Отдѣленія было сообщено И. В. Ягичу.

Послѣдній въ письмѣ на имя г. Предсѣдательствующаго отъ 1 сего декабря, проситъ сообщить Отдѣленію, что исполненіе полнаго фотографическаго снимка съ части Супрасльской рукописи, хранящейся въ Люблянѣ, по сообщенію С. Н. Северьянова, обойдется въ 550 руб., включая въ эту же сумму два экземпляра оттисковъ и стоимость негативовъ, которые будутъ предоставлены въ пользу Отдѣленія, но при этомъ Игнатій Викентьевичъ проситъ, въ счетъ этой суммы, поспѣшить высылкой 250 р. авансомъ на расходы, чтобы можно было не медля приступить къ воспроизведенію снимковъ и тѣмъ не задерживать С. Н. Северьянова въ Люблянѣ, гдѣ онъ остановился лишь проѣздомъ и главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ фотографомъ порученной ему работы, образцы которой были доставлены Отдѣленію. Сверхъ того И. В. Ягичъ сообщаетъ, что онъ отъ имени Имп. Академіи Наукъ намѣренъ обратиться въ Австрійское министерство съ просьбою распорядиться, чтобы фотографъ могъ удобно пользоваться рукописью. Опредѣлено благодарить И. В. Ягича за это его содѣйствіе и выслать ему изъ суммъ Отдѣленія двѣсти пятьдесятъ рублей.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что имъ изготовлена статья подъ заглавіемъ: „Первая глава исторической грамматики русскаго языка“, и просилъ напечатать ее въ Сборникѣ Отдѣленія. Одобрено.

Г. С. Лихачевъ, приславшій на имя редакціи Словаря русскаго языка собранные имъ оправдательные примѣры для словаря русскаго языка изъ писателей, просилъ Отдѣленіе ихъ разсмотрѣть и сообщить ему свое мнѣніе, а также правила для руководства при продолженіи имъ предпринятаго труда по выборкѣ примѣровъ изъ писателей. Положено передать предста-

вленные г. Лихачевымъ примѣры А. А. Шахматову на разсмотрѣніе.

Профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета И. П. Филевичъ, которому отъ Отдѣленія въ началѣ настоящаго года было выдано пособіе на поѣздку въ Карпаты, Галичину и Буковину, — представилъ краткій отчетъ о результатахъ своего путешествія. Положено принять къ свѣдѣнію и напечатать этотъ отчетъ въ приложеніи къ протоколамъ. (См. Приложеніе II).

Были пересмотрѣны Отдѣленіемъ правила о присужденіи премій имени А. С. Пушкина и по сдѣланнымъ членами Отдѣленія замѣчаніямъ на нѣкоторые пункты составленъ проектъ новыхъ правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, препровожденный г. Министру Народнаго Просвѣщенія, которымъ и были утверждены всѣ сдѣланныя измѣненія въ прежнихъ правилахъ. (См. Приложеніе III).

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ, представивъ вниманію сочленовъ Отдѣленія составленную имъ въ 1886 году, по просьбѣ Е. И. Якушкина программу для собиранія свѣдѣній относительно особенностей о́кающихъ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (подъ заглавіемъ: „Программа для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. Составлена А. Ш.“) и указавъ, что, благодаря распространенію этой программы среди народныхъ учителей и учительницъ Ярославской губерніи, имъ былъ полученъ рядъ обстоятельныхъ отвѣтовъ, давшихъ богатый матеріалъ, сообщилъ, что нынѣ онъ нѣсколько измѣнилъ и дополнилъ ее согласно указаніямъ опыта, и предложилъ Отдѣленію, отпечатавъ потребное количество экземпляровъ ея, войти въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія къ разсылкѣ экземпляровъ этой программы по учебнымъ округамъ и распространенію ея среди учебнаго состава подвѣдомственныхъ Министерству училищъ и школъ. Въ случаѣ, если распространеніе экземпляровъ программы для собиранія особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ увѣнчалось бы успѣхомъ, А. А. Шахматовъ готовъ принять на себя трудъ и по составленію подобной же программы для собиранія особенностей южно-великорусскихъ говоровъ (а́кающихъ). Отдѣленіе, вполнѣ одоб-

ривъ предложеніе А. А. Шахматова, опредѣлило представленную программу сдать въ типографію для набора и по отпечатаніи предоставить Алексѣю Александровичу право по своему усмотрѣнію разослать для могущихъ послѣдовать поправокъ, дополненій и замѣчаній экземпляры программы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ, отъ коихъ можно надѣяться получить полезныя указанія.

А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія объ отпечатаніи имъ составленной по порученію Отдѣленія I-ой части „Программы для собиранія особенностей говоровъ“ подъ заглавіемъ: „Программа для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія“ (СПб. 1895 г.). Онъ полагаетъ экземпляры этой программы разослать спеціалистамъ и лицамъ, интересующимся русскою діалектологіею, съ просьбою поправить и дополнить ее, чтобы исправленную затѣмъ по замѣчаніямъ указанныхъ лицъ отпечатать и распространить среди сельскихъ учителей и учительницъ при посредствѣ попечителей учебныхъ округовъ. Принято къ свѣдѣнію и одобрено.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ и адъюнктъ А. А. Шахматовъ вошли въ Отдѣленіе съ представленіемъ о существенной необходимости и пользѣ для науки предпринять при Отдѣленіи сверхъ издающагося Сборника такое повременное изданіе, въ которомъ помѣщались бы изслѣдованія небольшого объема, — матеріалы по русскому языку и литературѣ и разборы выдающихся сочиненій, появляющихся въ отечественной и славянскихъ литературахъ. Въ настоящее время небольшого объема статьи, поступающія въ Отдѣленіе, печатаются нерѣдко по истеченіи довольно продолжительнаго времени, вслѣдствіе чего теряютъ интересъ новизны. Отдѣленіе, согласившись съ доводами, заявленными гг. Бычковымъ и Шахматовымъ, постановило издавать по изложенной выше программѣ отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ годъ книжками въ объемѣ отъ 10 до 15 листовъ повременное изданіе, которому дать названіе „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, просить принять на себя завѣдываніе редакціею изданія — академика А. Ѳ. Бычкова и адъюнкта А. А. Шахматова и печатать Извѣстія въ числѣ 400 экземпляровъ.

На имѣющіяся свободныя вакансіи членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія избраны закрытою баллотировкою шарами слѣ-

дующія четыре лица: профессоръ Императорскаго Московскаго университета Филиппъ Ѳедоровичъ Фортунатовъ, бывшій профессоръ Императорскаго Московскаго университета, магистръ славянской филологіи, гофмейстеръ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, бывшій профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Мемнонъ Петровичъ Петровскій и дочь покойнаго академика Ольга Измаиловна Срезневская.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ прочиталъ въ Отдѣленіи слѣдующую записку:

„Имѣю честь представить Отдѣленію подробный перечень карточнаго матеріала для Словаря, собраннаго разными лицами и доставленнаго Академіи Наукъ частію при покойномъ редакторѣ Словаря академикѣ Я. К. Гротѣ, частію послѣ смерти его. Отдѣленіе, вѣроятно, обратитъ вниманіе на неполноту и случайность выписокъ, сдѣланныхъ изъ языка нашихъ писателей. Но я, какъ новый членъ Отдѣленія, остановился на другой мысли, просматривая представляемый списокъ: мнѣ ясно теперь, какъ широко понимали и Отдѣленіе и покойный Я. К. Гротъ свою задачу, когда приступили къ изданію Словаря и къ собиранію для него матеріаловъ. Цѣль изданія и подготовительныхъ работъ къ нему вполнѣ ясна: Словарь долженъ представить русскій письменный языкъ во всей его полнотѣ, обставляя при этомъ все въ немъ приводимое документальными данными. Въ нашемъ распоряженіи видимъ выписки болѣе чѣмъ изъ ста писателей: судя по ходу подготовительныхъ работъ, имѣлось въ виду пополнять ихъ и расширять. Взглядъ Отдѣленія не измѣнился и послѣ смерти Я. К. Грота: оно одобрило мой планъ возможно болѣе подробной разработки языка нѣкоторыхъ избранныхъ писателей, а въ послѣднемъ засѣданіи истекшаго полугодія высказалось и за то, чтобы выписки еще изъ нѣсколькихъ писателей носили не случайный, а болѣе или менѣе систематическій характеръ. Въ виду этого въ теченіе лѣта и настоящихъ осеннихъ мѣсяцевъ подъ моимъ наблюденіемъ продолжались подготовительныя работы, еще далеко не приведенныя къ концу. Я не теряю надежды на довольно быстрое окончаніе подготовительныхъ работъ въ томъ объемѣ, какъ онѣ опредѣлились на засѣданіи 20 мая. Но я рѣшительно заявляю, что признаю ихъ недостаточными. Отдѣленіе отказалось отъ мысли издать Словарь къ опредѣленному

кругу писателей: имѣя въ виду назрѣвшую потребность въ Словарѣ русскаго языка, оно понимало раньше и теперь продолжаетъ понимать свою задачу гораздо шире. Я вполнѣ сочувствую такому взгляду Отдѣленія; понимаю также, почему Словарь черпаетъ матеріалъ не изъ однихъ только литературныхъ произведеній, а также изъ языка дѣлового, научнаго; признаю, что Словарь предназначается не для однихъ филологическихъ, но также для практическихъ цѣлей. Въ виду этого, и какъ лицо для Словаря не постороннее, я въ нѣсколькихъ словахъ хочу изложить, какіе два пути представляются мнѣ для успѣшнаго выполненія задачи Отдѣленія.

Первый путь — это, признавъ источникомъ Словаря нашъ письменный языкъ, значительно расширить кругъ писателей, изъ которыхъ черпается словарный матеріалъ, и приступить къ дальнѣйшимъ выпускамъ, имѣя подъ руками готовый матеріалъ хотя бы изъ писателей, значащихся въ спискѣ.

Второй путь — это, признавъ языкъ писателей лишь подспорьемъ при опредѣленіи значенія словъ и ихъ употребленія, источникомъ Словаря сдѣлать живой русскій языкъ, задачей Словаря объясненіе всѣхъ и всякихъ извѣстныхъ II-му Отдѣленію русскихъ словъ.

Я сдѣлаю небольшую оцѣнку сравнительныхъ выгодъ, представляемыхъ тѣмъ и другимъ путемъ.

Подъ понятіемъ письменный языкъ, какъ я это вижу изъ первыхъ трехъ выпусковъ, Отдѣленіе понимало не только тѣ слова и выраженія употребляемыя писателемъ, которыя нашли право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, но также и мѣстныя, народныя слова, употребленныя писателями въ собственной рѣчи или приведенныя въ рѣчи говорящихъ въ его произведеніи лицъ. Слѣдовательно, не задаваясь цѣлью оградить нашъ литературный языкъ отъ вліянія народныхъ элементовъ, Отдѣленіе напротивъ дало мѣсто народному языку, насколько онъ отразился въ сочиненіяхъ нашихъ писателей. Поэтому и слѣдующіе выпуски Словаря будутъ заключать не только литературный и дѣловой языкъ, но также народныя слова и выраженія. Но если послѣднимъ отводится такое почетное мѣсто въ Словарѣ письменнаго русскаго языка, это значитъ, что принципіальныхъ основаній противъ включенія словъ изъ народной рѣчи въ Словарь — не имѣется. Почему же въ такомъ случаѣ черпать народныя слова исключительно изъ та-

кихъ источниковъ, какими представляются приводящія ихъ произведенія литературы, а не обратиться къ прямымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ живой русской рѣчью? Неужели мѣстныя слова изъ сочиненій Мельникова, гр. Л. Толстого, Григоровича предпочтительнѣе словъ, извѣстныхъ всѣмъ намъ отъ такихъ наблюдателей, какъ Даль, а спеціально Отдѣленію извѣстныхъ отъ такихъ собирателей, какъ А. Н. Островскій, Иваницкій, Куликовскій, Подвысоцкій и др.

Я думаю, что въ настоящее время понятіе письменный языкъ, противоположное языку народному, содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. До сихъ поръ можно съ письменнымъ языкомъ обойти всю Великую Россію и Сибирь и всюду быть понятымъ народомъ; и до сихъ поръ архангелогородецъ и курянинъ, не зная письменнаго языка, могутъ обойтись съ своимъ роднымъ нарѣчіемъ какъ въ столицахъ, такъ и во всякомъ захолустьи, обитаемомъ великорусскимъ племенемъ. Нашъ письменный языкъ — это языкъ нашего народа, а словарное отличіе отдѣльныхъ мѣстностей Россіи столь же значительно, какъ словарное отличіе нашихъ писателей, а особенно тѣхъ изъ нихъ, которые умышленно приближаются въ своемъ языкѣ къ народу. Меня, какъ будущаго редактора Словаря, смущаетъ опредѣлять задачу нашего Словаря, какъ словаря русскаго письменнаго языка, такъ какъ въ томъ опредѣленіи, предполагающемъ противоположеніе между письменной и живой рѣчью, между литературнымъ и народнымъ языкомъ, есть, какъ мнѣ кажется, противорѣчіе. Я не говорю уже о томъ, что ни одинъ редакторъ Словаря, преслѣдующій не однѣ филологическія цѣли, не поступится словами, принадлежащими языку отдѣльныхъ промысловъ, ремеслъ: а гдѣ можно найти границу между этими словами и тѣмъ, что мы называемъ языкомъ? Но пусть задача Словаря сузится: это словарь литературнаго языка. Опредѣленіе, правда, не ясно: о языкѣ какой именно литературы идетъ рѣчь, какой эпохѣ принадлежитъ эта литература? Но въ этомъ, конечно, можно условиться, можно провести искусственныя грани, и Словарь, построенный на такихъ началахъ, будетъ несомнѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. Мыслимо ли, однако, быстрое его исполненіе и удовлетворитъ ли онъ потребностямъ тѣхъ лицъ, которыя въ Словарѣ будутъ, конечно, отыскивать не объясненіе всѣхъ понятныхъ словъ, а толкованіе рѣдкихъ, темныхъ, мѣстныхъ словъ и выраженій?

Если задачею Словаря мы признаемъ толковое объясненіе всѣхъ словъ великорусскаго живого языка, мы построимъ его на началѣ, не могущемъ вызвать никакихъ сомнѣній и недоразумѣній. Живой великорусскій языкъ — это и нашъ письменный языкъ, такъ какъ онъ весьма незначительно уклонился отъ языка разговорнаго, и повседневный, обиходный языкъ образованныхъ классовъ общества, и языкъ народа, отъ котораго все еще продолжаетъ получать обновленіе и живительные соки языкъ литературный. Я сравнивалъ Словарь Даля съ изданными выпусками Словаря: и какъ призванный къ продолженію начатаго Словаря, я все время завидовалъ Далю; онъ при работѣ надъ Толковымъ Словаремъ имѣлъ дѣло съ живымъ русскимъ человѣкомъ и при томъ не обезличеннымъ; астраханецъ и вологжанинъ, пермякъ и калужанинъ — вотъ кто создавали и продолжаютъ создавать русскую рѣчь, и это такъ наглядно видно изъ Словаря Даля; я боюсь, что въ будущихъ выпускахъ нашего академическаго Словаря, вмѣсто этихъ живыхъ лицъ, слишкомъ ярко выступитъ личность редактора, который возьметъ на себя неблагодарную, скажу болѣе — крайне тяжкую и вмѣстѣ отвѣтственную задачу обезличить, обезцвѣтить русскій языкъ и сузить понятіе о немъ. На такую работу можно согласиться только въ томъ случаѣ, если всюду и вездѣ авторитетъ живой русской рѣчи можетъ быть замѣненъ авторитетомъ печатнаго слова въ произведеніяхъ нашихъ писателей. Но вѣдь несомнѣнно, что тогда мы опять встрѣтимся съ русскимъ народомъ, съ тѣмъ же курянином и пермякомъ. Зачѣмъ же избѣгать личной съ нимъ встрѣчи и рядомъ съ этимъ стремиться къ знакомству съ нимъ черезъ посредство третьихъ лицъ — нашихъ писателей?

Дѣлаю заключеніе: Отдѣленіе должно нѣсколько расширить задачу Словаря. Всѣ русскія слова, насколько ихъ значеніе и употребленіе извѣстно Отдѣленію, насколько они для него не простые звуки, съ которыми не связывается опредѣленнаго представленія, должны войти въ Словарь и найти тамъ объясненіе. Увѣренъ въ томъ, что это не осложнитъ задачи: правильная постановка подготовительныхъ работъ позволитъ редактору приступить къ изданію, не дожидаясь окончанія кропотливыхъ выписокъ изъ писателей, которые уже не будутъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ словарнаго матеріала. Расширеніе задачи только ускоритъ ея исполне-

ніе: всѣ тѣ минуты колебанія при подборѣ словъ, годныхъ къ внесенію въ Словарь письменнаго языка, будутъ отданы работѣ надъ словами живого русскаго языка.

Словарь — это не личное дѣло одного изъ членовъ Отдѣленія, это задача и работа всего Отдѣленія. Я впередъ подчиняюсь рѣшенію Отдѣленія, но увѣренъ, что оно не оставитъ безъ тщательнаго разсмотрѣнія соображеній того лица, которое избрано имъ редакторомъ Словаря, признавъ, что работа моя можетъ начаться только тогда, когда мнѣ будутъ ясны и смыслъ ея и задача".

Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей въ средѣ членовъ Отдѣленія, имѣя въ виду трудность разграниченія области языка книжнаго отъ языка народнаго (живыхъ великорусскихъ говоровъ), опредѣлено: не исключать изъ матеріаловъ для Словаря русскаго языка словъ областныхъ. Словарь русскаго языка долженъ обнимать какъ книжный языкъ, на сколько онъ представленъ нашими писателями, начиная съ Ломоносова, такъ и живой разговорный языкъ въ устахъ великорусскаго племени.

А. А. Шахматовъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что для II тома „Изслѣдованій по русскому языку" у него имѣются уже три довольно обширныя статьи: 1) переводъ статьи норвежскаго ученаго Олафа Броха, напечатанный въ Archiv für Slavische Philologie (Band XVII) подъ заглавіемъ: „Zum Kleinrussischen in Ungarn", который скоро будетъ самимъ авторомъ доведенъ до конца, 2) изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета Б. М. Ляпунова „О языкѣ I-й Новгородской Лѣтописи", и 3) А. А. Шахматова „Изъ исторіи согласныхъ въ русскомъ языкѣ". Опредѣлено приступить къ печатанію II-го тома подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова.

А. А. Шахматовъ, сообщивъ, что проф. Ѳ. Е. Коршъ недавно читалъ студентамъ Императорскаго Московскаго университета рядъ лекцій „О русскомъ народномъ стихосложеніи", предметѣ, который такъ бѣденъ самостоятельными изслѣдованіями въ нашей ученой литературѣ, а между тѣмъ важность котораго едва ли кто станетъ отрицать, — предложилъ вниманію сочленовъ полученный имъ отъ г. Корша опытъ возстановле-

нія историческихъ пѣсенъ, записанныхъ для Ричарда Джемса, бывшаго въ Москвѣ и Холмогорахъ въ Смутное время (около 1613 г.) и просилъ разрѣшенія обратиться отъ имени Отдѣленія съ просьбою къ г. Коршу, не найдетъ ли онъ возможнымъ доставить объ этомъ предметѣ въ Отдѣленіе статью для напечатанія въ Извѣстіяхъ. Одобрено.

Еще въ началѣ 1895 г. въ Отдѣленіе обратился сынъ покойнаго И. В. Юшкевича, магистрантъ Императорскаго Юрьевскаго университета, Витольдъ Юшкевичъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для ускоренія изданія собранныхъ его отцомъ и дядей кс. А. Юшкевичемъ матеріаловъ для литовско-русско-польскаго словаря, которые печатаются подъ редакціею проф. Императорскаго Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что г. В. Юшкевичъ еще при жизни отца своего помогалъ ему въ чтеніи корректуръ начатаго тогда печатаніемъ Словаря, что литовскій языкъ его родной, и что предметомъ своихъ занятій онъ избралъ сравнительную грамматику, опредѣлило: 1) по соглашенію съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, поручить г. Юшкевичу веденіе изданія Словаря, начиная со II-го тома (съ буквы *E*), 2) I-ый томъ Словаря, заключающій слова на буквы *A—Dż*, просить Ф. Ѳ. Фортунатова довести до конца и снабдить предисловіемъ. Тогда же былъ возбужденъ вопросъ о необходимости обратиться къ провѣркѣ собранныхъ братьями Юшкевичами матеріаловъ для литовскаго словаря на мѣстѣ ихъ собиранія, какъ единственно вѣрному способу къ установленію правильнаго чтенія текста и устраненію всевозможныхъ въ немъ неточностей. Отдѣленіе воспользовалось командировкою г. Юшкевича въ Сувалкскую губернію отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и просило его по окончаніи этой командировки совершить поѣздку въ Велёну для провѣрки текста Словаря.

Въ письмѣ своемъ изъ Велёны отъ 15 ноября 1895 года, В. И. Юшкевичъ извѣстилъ о ходѣ работъ по повѣркѣ Литовско-русско-польскаго словаря и между прочимъ сообщилъ, что ко времени отсылки письма имъ провѣрено 2232 полулиста (буквы *E—O* включительно и большая часть *P*) и что еще остается провѣрить 1419 полулистовъ. Кромѣ рѣшенія вопросовъ, непосредственно касающихся просмотрѣнныхъ словъ въ отдѣльности, путемъ провѣрки словаря ему удалось установить

еще нѣсколько общихъ положеній, а именно: 1) что употребляемое въ первой редакціи рукописи написаніе і (видоизмѣненное *j*) безусловно выражаетъ фонему въ произношеніи Велёнскихъ литовцевъ = *ie*, въ другихъ же говорахъ = *i* или *ej*; 2) что звукъ, изображаемый въ написаніи знакомъ (*e*) является долгимъ гласнымъ всегда, 3) что нерѣдко, какъ въ корняхъ словъ, такъ и въ суффиксахъ попадаются чередованія *r* || *l*, *b* || *m*, вызывающія двойныя образованія одного и того же слова.

Г. Предсѣдательствующій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета П. А. Лаврова тетрадей съ текстами апокрифическихъ статей изъ южно-славянскихъ рукописей, предназначенными для напечатанія въ Сборникѣ. Опредѣлено сдать въ типографію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ

доктора славянской филологіи **П. А. Лаврова.**

Въ первыхъ числахъ марта этого года я имѣлъ честь получить изъ Академіи Наукъ приглашеніе прислать на предварительный просмотръ собранные мною во время путешествія по славянскимъ землямъ тексты. Переписка нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько замедлила отсылку бумагъ, причемъ на первый разъ мною послана наибольшая часть текстовъ, а остальную я приготовляю для высылки въ скорѣйшемъ времени.

Хорошо знакомый съ рукописными южно-славянскими собраніями нашихъ Московскихъ библіотекъ, я направлялъ свой путь на славянскій югъ, около котораго сосредоточивались въ послѣднее время мои занятія. Изъ русскихъ университетскихъ городовъ я остановился въ Одессѣ, куда привлекало меня желаніе познакомиться съ рукописями профессора Григоровича. Несмотря на то, что ихъ количество не велико, между ними оказалось не мало драгоцѣнныхъ южно-славянскихъ текстовъ, какъ старыхъ церковно-славянскихъ, такъ и позднихъ, между которыми мое вниманіе обратили ново-болгарскіе тексты, давшіе мнѣ значительный дополнительный матеріалъ къ тому, который мнѣ удалось собрать и отчасти привести въ извѣстность въ моей книгѣ: „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка“.

Помимо того, поставивъ себѣ цѣлію собирать матеріалы для южнославянской палеографіи, изученіе которой должно быть положено въ основаніе славяно-русской палеографіи, почти изъ всѣхъ наиболѣе интересныхъ въ палеографическомъ отношеніи текстовъ я снялъ довольно значительное—разумѣется для скромныхъ средствъ частнаго человѣка, до сихъ поръ еще несущаго горькую долю приватдоцентства — количество снимковъ.

Изъ Одессы я отправился въ Царьградъ, чтобы оттуда выѣхать на Аѳонъ, куда я стремился, вспоминая Григоровича и многихъ другихъ. Разумѣется, я не обольщалъ себя мечтами, что мнѣ удастся найти въ этихъ мѣстахъ что-либо очень старое. Прошло то время, когда эти находки были удѣломъ перваго пріѣзжаго, но я надѣялся, что внимательное обозрѣніе хотя бы ограниченнаго количества монастырей не останется безплоднымъ, и я не ошибся.

Краткость времени, которымъ я располагалъ для своей поѣздки (выѣхалъ въ апрѣлѣ прошлаго года, а къ 1-му сентябрю долженъ былъ вернуться), заставляла меня очень сузить свои планы. Я рѣшилъ посѣтить только тѣ монастыри, въ которыхъ имѣются обширныя славянскія книгохранилища, отказавшись отъ мысли заниматься греческими рукописями. Такими монастырями, кромѣ Русскаго Пантелеймоновскаго, въ которомъ я остановился и откуда ѣздилъ въ другіе монастыри, являлись для меня Зографъ, Хиландарь и монастырь Св. Павла.

Долженъ при этомъ сказать, что успѣхамъ своихъ занятій на Аѳонѣ я въ значительной степени обязанъ Пантелеймоновскому монастырю. Бывши въ Константинополѣ, я по недоразумѣнію не запасся рекомендательнымъ письмомъ отъ патріарха къ протату, безъ котораго формально нельзя получить доступа въ монастырскія библіотеки. Благодаря этому мнѣ пришлось употребить много хлопотъ на выправленіе этого документа съ Аѳона. Но, быть можетъ, это обстоятельство отчасти послужило къ моей выгодѣ. Отцы Руссика, о гостепріимствѣ которыхъ я всегда буду вспоминать съ глубокою признательностію, выхлопотали мнѣ рекомендацію одного очень вліятельнаго греческаго монаха, представителя всѣхъ Аѳонскихъ монастырей въ Солунѣ, въ монастыри св. Павла и Хиландарскій. Первая моя поѣздка съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ убѣдила меня въ томъ, что оно дѣйствительнѣе формальной рекомендаціи

патріарха. Я получилъ полный доступъ къ богатой библіотекѣ Св.-Павловскаго монастыря. Славянскія рукописи помѣщаются въ темной комнатѣ, въ полномъ безпорядкѣ, каталога, по которому бы можно было спрашивать ту или другую рукопись, нѣтъ, пришлось перебрать всѣ по порядку, причемъ я откладывалъ наиболѣе интересовавшія меня и извѣстныя мнѣ по описанію архимандрита Леонида и Петковича. Изъ памятниковъ духовной письменности я выбралъ два апостола: одинъ пергаменный XIV в., другой бумажный (копія съ ресавскаго извода), одну псалтырь на пергаменѣ, первыя восемь книгъ Ветхаго Завѣта на бумагѣ.

О ресавскомъ изводѣ апостола въ монастырѣ св. Павла уже извѣстно изъ сочиненія преосвященнаго Порфирія: „Востокъ христіанскій", ч. I-я, отд. 2-е, стр. 16—22; но я нашелъ не лишнимъ списать интересное послѣсловіе къ этому апостолу вполнѣ и точно, списалъ также и нѣсколько чтеній для характеристики языка и правописанія, а въ интересахъ палеографическихъ снялъ одинъ фотографическій снимокъ. Сдѣлавъ выписки изъ библейскихъ книгъ, я очень сожалѣлъ, что отъ меня укрылся списокъ книги Царствъ, о которомъ было указаніе въ описаніи архимандрита Леонида. Разсмотрѣть этотъ списокъ мнѣ было очень интересно для провѣрки изслѣдованія Попруженка; во всякомъ случаѣ нахожу нужнымъ обратить вниманіе на этотъ списокъ того, кому удастся его разыскать. Нѣсколько сборниковъ описаны мною по статьямъ, но они заключаютъ лишь переведенныя съ греческаго слова, и я напрасно искалъ между ними, напр., поученія Климента Словѣнскаго. Большой интересъ представляетъ одна сербская минея и одинъ средне-болгарскій прологъ, въ которомъ есть статьи о славянскихъ святыхъ.

Если нельзя одобрить небрежное отношеніе монаховъ къ сохраненію славянскихъ рукописей, значительно пострадавшихъ отъ сырости, насѣкомыхъ и проч., то съ другой стороны нельзя не выразить благодарности за удобства занятій. Рукописи выданы были мнѣ въ свѣтлую комнату архондарика, въ которой я и могъ заниматься ими цѣлый день, пользуясь полнымъ довѣріемъ братіи.

Вернувшись изъ монастыря св. Павла, я получилъ присланное по почтѣ рекомендательное письмо патріарха, съ которымъ и отправился въ Карею явиться въ протатъ и получить тамъ

бумагу, открывающую мнѣ доступъ во всѣ Аѳонскіе монастыри. Съ этой бумагой и письмомъ помянутаго выше грека я поѣхалъ въ Хиландарь.

Хиландарская библіотека, самая богатая на Аѳонѣ по количеству славянскихъ рукописей, представила для меня много любопытнаго. Прежде всего мое вниманіе обратилъ сербскій пергаменный сборникъ XIII—XIV вв., о которомъ не упоминаютъ ни арх. Леонидъ, ни Дучић, а между тѣмъ фотографическій снимокъ, снятый съ листковъ Григоровича, сразу убѣдилъ меня, что эта рукопись была въ рукахъ знаменитаго путешественника.

О ней у меня сказано въ посланныхъ въ Академію бумагахъ. — Сборникъ, въ которомъ находится сербскій списокъ Манассіиной лѣтописи, сходится съ Московскимъ Синодальнымъ. Въ началѣ передъ текстомъ Манассіи тѣ же статьи; въ самомъ текстѣ нѣтъ Троянской притчи; но статей слѣдующихъ за Манассіей, нѣтъ [1]). Изъ книгъ Священнаго писанія въ Хиландарской библіотекѣ оказался также апостолъ ресавскаго извода. О Хиландарскомъ спискѣ не говоритъ ни слова преосв. Порфирій, но за то о немъ упоминаетъ архимандритъ Леонидъ въ описаніи Св.-Павловскаго монастыря, въ свою очередь не упоминающій о спискѣ апостола этого монастыря, о которомъ мы знаемъ изъ книги преосв. Порфирія. Для полноты характеристики ресавскихъ изводовъ я списалъ послѣсловіе къ этому тексту и точно также выписалъ изъ него нѣсколько чтеній и снялъ два фотографическихъ снимка. Нужно замѣтить, что обѣ эти копіи съ ресавскихъ изводовъ отличаются чистотой и изяществомъ письма, особенно списокъ Хиландарскій. Если таковы позднія копіи XVII в., то что можно думать о ихъ оригиналахъ! И дѣйствительно, многіе видѣнные нами памятники этой литературной эпохи (деспота Стефана) отличаются высокими достоинствами не только внутренними, но и внѣшними. Такова, напр., Лѣствица, по моему мнѣнію безъ достаточнаго основанія признаваемая архимандритомъ Леонидомъ за переводный трудъ самого деспота, между тѣмъ какъ надпись, на которую ссылается почтенный любитель старины

[1]) Дучић въ книжкѣ „Старине Хиландарске“ описываетъ эту рукопись, нигдѣ къ удивленію не отмѣчая, что находящаяся въ ней лѣтопись есть лѣтопись Манассіина (см. стр. 105—110).

говоритъ лишь о томъ, что рукопись принадлежала библіотекѣ деспота (стр. 27-я). Если припомнить, какими высокими достоинствами отличаются рукописныя наслѣдія отъ эпохи Іоанна Александра въ Болгаріи (разумѣю превосходные списки Манассіиной лѣтописи, великолѣпное съ миніатюрами евангеліе Св.-Павловскаго монастыря, попавшее въ Англію), а въ этой странѣ затѣмъ еще слѣдовала плодотворная дѣятельность патріарха Евѳимія, то какъ не посѣтовать на судьбу, прервавшую возможность дальнѣйшихъ успѣховъ славянскаго юга!

Послѣ этого апостола, наибольшую часть проведеннаго въ Хиландарѣ времени (только двѣ недѣли впрочемъ) потратилъ я на Мирославово евангеліе. Отправляясь въ путешествіе, я имѣлъ намѣреніе списать цѣликомъ этотъ важный текстъ, для того чтобы имѣть два почти одновременныхъ списка — Мирославова и Вуканова евангелій, изъ которыхъ послѣднее было мною переписано вполнѣ, послѣ того какъ этого не успѣлъ сдѣлать Сима Томичъ, для котораго оно было выписано изъ Публичной библіотеки. Въ то время я помышлялъ объ изданіи списаннаго текста. Но, прибывъ на Аѳонъ, я сейчасъ же долженъ былъ усумниться въ томъ, что успѣю исполнить свое намѣреніе. Прежде всего обстоятельства такъ сложились, что я не могъ проѣхать въ Хиландарь прямо съ парохода. Я долженъ былъ для успѣха поѣздки остановиться въ Руссикѣ, а отсюда вышелъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ послѣдствій. Я занимался сначала въ библіотекѣ Руссика, затѣмъ отправился въ монастырь св. Павла и только, по возвращеніи отсюда, въ Хиландарь. — Здѣсь послѣ бѣглаго осмотра библіотеки я понялъ полную невозможность ограничить свои занятія лишь списываніемъ Мирославова евангелія, помимо котораго было такъ много интереснаго. При такихъ обстоятельствахъ я рѣшился, отказавшись отъ переписки текста, подвести лишь изъ него варіанты къ Вуканову, что и успѣлъ сдѣлать для большей части текста. Кромѣ того мною было снято 14 фотографическихъ снимковъ, заключавшихъ каждый по 2 страницы рукописи. Трудясь надъ этимъ, я однако увидѣлъ, что гораздо важнѣе и даже прямо необходимо было списать весь текстъ этого замѣчательнаго евангелія, такъ какъ, если издавать оба текста вмѣстѣ, то скорѣе слѣдовало бы положить въ основаніе текстъ Мирославова, а не Вуканова, какъ болѣе сохранившій архаизмовъ въ языкѣ. Такимъ образомъ результатомъ моей работы

можетъ быть лишь то, что я могу составить статью съ подробной характеристикой того и другого текста.—Кромѣ этого сербскаго евангелія, для меня представляло большой интересъ средне-болгарское евангеліе 1322 года, о которомъ упоминаетъ Дучичъ (стр. 101—102), такъ какъ изученіе болгарскихъ рукописныхъ текстовъ *съ датой* изъ эпохи *до-Евѳиміевской* чрезвычайно важно для правильной оцѣнки дѣятельности знаменитаго болгарскаго патріарха. Не могу поэтому не сожалѣть, что вышепомянутыя занятія не дали мнѣ возможности обслѣдовать этотъ текстъ, какъ бы мнѣ того хотѣлось, и я принужденъ былъ ограничиться однимъ фотографическимъ снимкомъ. Я снялъ послѣдній лишь съ послѣсловіемъ и записью, которая, вопреки Дучићу, ни въ какомъ случаѣ не глаголическая, а какая то смѣшанная изъ разныхъ алфавитовъ; только двѣ буквы въ ней имѣютъ сходство съ глаголическими. — Кромѣ этой рукописи была еще одна, изъ которой я снялъ снимокъ ради глаголицы. Въ ней, впрочемъ, всего нѣсколько глаголическихъ буквъ, которыми оканчивается одно писанное кириллицей слово и начинается другое, продолженное опять таки кириллицей. Удивительный примѣръ капризнаго употребленія этого загадочнаго алфавита. Интересъ этихъ глаголическихъ буквъ увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что *по языку* рукопись *сербская*, а глаголица *болгарская круглая* какъ въ отрывкѣ апостола Гршковића. Рукопись, вѣроятно, XIII в., пергаменная, по содержанію представляетъ поученія Іоанна Златоустаго. Я списалъ оглавленіе поученій — и это не было послѣдней любопытной новинкой Хиландарской библіотеки. Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Хиландаря, мнѣ удалось замѣтить еще одинъ любопытный текстъ. На корешкѣ рукописи было надписано: „Поученія Іоанна Златоустаго“. Желая посмотрѣть ихъ, я снялъ рукопись съ полки и, заглянувъ въ началѣ и концѣ, сразу понялъ, какой интересъ представляетъ рукопись. Это былъ текстъ — „Толковой Палеи“ съ весьма важнымъ послѣсловіемъ, изъ котораго было видно, что въ XVII в. напрасно искали юго-славянскаго списка этого памятника и должны были воспользоваться русскимъ изводомъ. Позднѣе я узналъ, что рукопись эта была въ рукахъ профессора Пальмова, который, однако, не оцѣнилъ ее по достоинству, назвалъ ее—„Златоструемъ“, и не особенно точно списалъ послѣсловіе; все это произошло отъ незнакомства съ тѣмъ и другимъ лите-

ратурнымъ памятникомъ. Понятное дѣло, какъ хотѣлось одному изъ участниковъ изданія „Толковой Палеи“ воспользоваться этимъ спискомъ, но за отсутствіемъ Палеи подъ руками этого нельзя было сдѣлать: опять пришлось ограничиться фотографическимъ снимкомъ, да кромѣ того я списалъ оглавленіе къ тексту и начало его.

Послѣднимъ монастыремъ, который я посѣтилъ, былъ Зографскій. Библіотека его значительно менѣе Хиландарской, но и въ ней есть интересныя вещи. Одна изъ важныхъ рукописей—это служебная минея XII—XIII в. Желая повѣрить выписку изъ службы св. Меѳодію, приведенную архимандритомъ Леонидомъ, я напрасно искалъ ее въ рукописи. Тѣмъ страннѣе послѣ этого мнѣ показались замѣчанія къ тексту, изданному профессоромъ Александровымъ въ Филологическомъ Вѣстникѣ, который утверждаетъ, что нашелъ рукопись въ русскомъ монастырѣ (какъ будто это ясно; вопросъ, гдѣ? въ Пантелеймоновскомъ такого текста нѣтъ, остаются еще скиты Андреевскій и Ильинскій); а между тѣмъ описаніе рукописи заставляетъ думать, что въ изданіи Александрова мы имѣемъ дѣло съ листами, вырванными изъ Зографской рукописи. Языкъ этой рукописи обычный средне-болгарскій. Кромѣ нея я сдѣлалъ выписки изъ любопытныхъ списковъ апостола. Пересмотрѣлъ наиболѣе важные сборники, изъ которыхъ въ одномъ и оказался списанный мною средне-болгарскій текстъ дѣяній апостола Андрея.

Въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ между славянскими рукописями наиболѣе древни списки евангелій и апостоловъ, изъ которыхъ я сдѣлалъ выписки и снимки.

Покидая Аѳонъ, я очень сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили мнѣ изслѣдовать многія изъ упомянутыхъ весьма важныхъ рукописей такъ, какъ бы онѣ того заслуживали; а сколько еще осталось любопытнаго, до чего я едва коснулся. Наконецъ, я посѣтилъ только четыре монастыря, а ими, разумѣется, не исчерпываются богатства славянской письменности на Святой горѣ. Если я чувствовалъ грусть, то какъ понятны чувства волновавшія *въ свое время* профессора Григоровича, когда онъ покидалъ мѣста, изъ которыхъ уѣзжалъ съ такими богатствами.

Съ Аѳона черезъ Солунь я проѣхалъ въ Софію. Въ Болгаріи въ это время уже Стамбулова не было, а потому въѣздъ

обошелся безъ непріятностей. Въ Софіи я сейчасъ познакомился какъ съ старшими литературными дѣятелями, каковынапр., Стояновъ, Балабановъ и др., такъ и съ молодыми, группирующимися около „Болгарскаго Сборника". Не могу съ благодарностію не упомянуть о весьма благопріятныхъ для путешествующаго условіяхъ занятій въ Народной библіотекѣ. Она открыта отъ 10-ти до 12-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 8-ми или 9-ти вечера, если угодно. Въ праздники утромъ на часъ ранѣе, а вечеромъ, какъ и въ будни. Благодаря такому продолжительному сроку, въ короткое время можно успѣть сдѣлать много. Заниматься очень удобно, тѣмъ болѣе, что изъ болгаръ почти никто не интересуется рукописями, и за все время моего пребыванія я сидѣлъ въ отведенной мнѣ комнатѣ одинъ.

Въ библіотекѣ рукописей болѣе двухсотъ. Изъ нихъ, кромѣ многихъ другихъ, я обратилъ вниманіе на поученія воеводы Валашскаго Нѣгоя сыну своему Ѳеодосію на средне-болгарскомъ языкѣ, которыя дошли только въ отрывкахъ и попали въ библіотеку въ два пріема, отчего и записаны подъ двумя нумерами. Бытовой интересъ этихъ наставленій показался мнѣ настолько великъ, что я списалъ почти все, что сохранилось. Позднѣе отъ Я. Богдана, посѣтившаго меня проѣздомъ изъ Петербурга на Рождествѣ, я узналъ, что есть и румынскій текстъ этихъ наставленій, но, насколько онъ могъ судить по прочитаннымъ мною выдержкамъ, менѣе полный. Я обращался къ П. А. Сырку, не найдется ли гдѣ-нибудь въ Петербургѣ печатный румынскій текстъ, котораго у насъ въ Москвѣ нельзя найти, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Рѣшаюсь и этотъ текстъ послать въ Академію Наукъ въ надеждѣ, не найдетъ ли Второе Отдѣленіе возможнымъ и его напечатать въ Сборникѣ.

II.

Отчетъ проф. Императорскаго Варшавскаго университета И. П. Филевича.

1-го сентября я вернулся изъ-за границы, пробывъ въ путешествіи ровно три мѣсяца. Прошу позволенія сообщить Отдѣленію о результатахъ моего путешествія, по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ. Прага, Вѣна, Пештъ, Сибинъ (Германштадтъ), Блажовъ (Блазендорфъ), Черновцы, Львовъ, Угорская Русь, Словачина и наконецъ опять Прага — вотъ мой маршрутъ. Въ Прагѣ я изучалъ выставку и работалъ въ музеѣ, въ Вѣнѣ и Пештѣ работалъ въ библіотекахъ, въ Черновцахъ и Львовѣ старался собрать свѣдѣнія о разныхъ мелкихъ работахъ по мѣстной этнографіи и исторіи; изъ Сибина (Германштадта), Блажова (Балашовцовъ) (Блазендорфа), Ужгорода, Турчанскаго св. Мартина дѣлалъ экскурсіи въ сосѣднія села для ближайшаго ознакомленія съ населеніемъ. Не говорю о встрѣчахъ и нерѣдко живыхъ бесѣдахъ съ разными лицами. Видѣно много, и это я считаю своимъ главнымъ пріобрѣтеніемъ. Путешествіе, какъ я и предполагалъ, оттянетъ нѣсколько печатаніе моей работы, но я долженъ рѣшительно заявить, что видѣнное и прочитанное нисколько не измѣнило моего основного взгляда, напротивъ подтвердило его многими живыми подробностями. Я воочію убѣдился, что на рубежахъ русско-словацкомъ, русско-мадьярскомъ и русско-румынскомъ, продолжается не подлежащій никакому сомнѣнію процессъ этнографическаго перерожденія. Что это явленіе не новое доказываютъ свидѣтельства Вольфа и Эдера (въ началѣ нынѣшняго вѣка), Сегеди и Бенко (прошлаго вѣка); что это явленіе не исчерпывается извѣстными до сихъ поръ фактами доказываютъ загадочные этнографическіе острова, въ родѣ такъ называемой „Общины Чанго“—7 сёлъ недалеко отъ Кронштадта (Брашова), слѣдовательно въ сосѣдствѣ съ орумынившимися, такъ называемыми „болгарскими“ островами. Чанго теперь говорятъ по-мадьярски, но Секлеры считаютъ ихъ чужими себѣ. То же представляетъ мадьярско-русскій рубежъ на границѣ съ Угор-

ской Русью. Южная часть Бережскаго комитата представляетъ тому особенно разительныя доказательства. Этотъ именно рубежъ я бы считалъ особенно важнымъ, такъ какъ трансформація мѣстнаго говора можетъ объяснить многое въ исторической трансформаціи языка нынѣшней Угорщины вообще („Свѣте тихій“ поютъ здѣсь такъ: сете тыши. . . . . азъ анодъ чонтя на западъ солнца). Не мало аналогичныхъ фактовъ (въ пользу Словаковъ) на русско-словацкомъ рубежѣ. Что этнографическое перерожденіе происходило въ значительныхъ размѣрахъ въ Малой Польшѣ — это смѣю думать доказано мною въ послѣдней статьѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, V); такъ же точно подтвердились и нѣкоторыя мои номенклатурныя предположенія: Talabor, напр. дѣйствительно называется Теребля, какъ я и думалъ (тамъ же V, 178). Такимъ образомъ подтвердились два главнѣйшихъ положенія, высказанныя мною въ послѣднихъ статьяхъ: 1) широкій объемъ, относящійся къ вопросу территоріи, 2) необходимость изученія хоро- и топографическихъ названій въ самомъ источникѣ „въ устахъ народа“. Усиленная разработка номенклатурнаго матеріала мадьярскими учеными (укажу два капитальныхъ изданія мадьярской академіи: 1) словарь рѣкъ по документамъ до XIII в. Ортвая Тиводара и 2) Топографическій словарь Cszanki Dezsö за то же время, при чемъ славянскій элементъ почти не принимается во вниманіе) еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости такого изученія.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что вопросъ о Карпатской Руси не ограничивается одной нынѣшней Угорской Русью, а связанъ съ значительной частью юго-восточной Малой Польши, юго-восточной Словачины и значительнымъ пространствомъ Трансильваніи, т. е. съ громаднымъ сплошнымъ территоріальнымъ комплексомъ, представляющимъ юго-западную окраину такой несомнѣнно исконной Славяно-Русской земли, какою является Волынь съ значительной частью Галича.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ одинаково существуетъ тотъ же самый вопросъ, какой у насъ связывается обыкновенно съ одною лишь Угорской Русью, конечно, потому что съ нею до сихъ поръ соединяется названіе Руси и что въ ней до сихъ поръ удержалось русское населеніе. Вопросъ о русскихъ въ Трансильваніи поднятъ угорскими учеными въ половинѣ XVIII в.; слѣдовательно онъ сверстникъ нашему норманизму и замѣчательно развивался съ нимъ одновременно, по крайней

мѣрѣ главнѣйшіе моменты развитія вполнѣ совпадаютъ. Сегеди и Бенко младшіе современники Байера; одновременно съ Шлецеровымъ „Несторомъ“ появилось въ Германштадтѣ сочиненіе Вольфа „De vestigiis Ruthenorum in Transilvania“, а съ Куниковыми „Родзами“ вполнѣ совпадаютъ по времени извѣстныя статьи Надеждина.

Вопросъ этотъ чувствуется теперь еще сильнѣе, ибо послѣ того, какъ Миклошичъ отказался отъ болгаризма трансильванскихъ славянъ, вопросъ о нихъ остается въ совершенной неопредѣленности; ученые не знаютъ какъ быть съ мнѣніемъ Кочубинскаго и Пича, и въ большинствѣ случаевъ склоняются къ старому мнѣнію Миклошича имъ же самимъ отвергнутому, что уже совсѣмъ непонятно (такъ поступилъ напр. Т. Д. Флоринскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ).

Такимъ образомъ вопросъ имѣетъ свою исторію и существуетъ и понынѣ. На это указываютъ: статьи Пича (Die Dacischen Slaven. Prag, 1888 г.), Кочубинскаго (Труды Ярославскаго съѣзда) — относительно русскихъ въ Трансильваніи. Такъ же точно существуетъ вопросъ и о юго-восточныхъ частяхъ Малой Польши, въ видѣ вопроса объ обрядѣ Малопольской Хорватіи, объ Опатовскомъ епископѣ „для Руси“, въ видѣ вопросовъ, связанныхъ съ чертами малопольскаго говора и лемками, наконецъ такъ же точно существуютъ и понынѣ вопросы о русско-словацкомъ, русско-мадьярскомъ и русско-румынскомъ этнографическомъ рубежѣ. Все это, думаю, доказываетъ несомнѣнно, что передъ нами вопросъ крупный и по своему научному значенію и по объему относящейся къ нему территоріи. Такой вопросъ не можетъ быть рѣшенъ по даннымъ одного разряда, напр. филологическими, а лишь по совокупности всѣхъ данныхъ: историческихъ, этнографическихъ, діалектологическихъ, наконецъ археологическихъ. Вотъ почему меня очень удивляютъ аргументы Соболевскаго, приводимые имъ въ доказательство заселенія Угорской Руси лишь въ XII в. Онъ основывается на данныхъ говоровъ: „*у* и *ю* образовалось изъ *о* и *е едва ли* раньше второй половины XII в.... *кы, гы* превратилось въ *ки, ги приблизительно* въ тоже время“. „Едва ли“, „приблизительно“ — какіе солидные аргументы! Какъ же быть однако съ чешско-русской границей Свято-Владимировой Руси, о чемъ прямо говоритъ лѣтопись, какъ быть съ „Русіей“ въ предѣлахъ Угорскаго государства, о которой

упоминаетъ Адамъ Бременскій подъ 1017 г., при чемъ упоминаніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ несомнѣнныхъ показаній; какъ быть съ сыномъ Стефана Угорскаго Генрихомъ, который называется „dux Ruizorum" въ 1031?

Нужно внимательно вглядѣться въ карту, тогда станетъ замѣтна и природная связь обоихъ склоновъ горъ, въ центральной части представляющихъ и теперь этнографическое и номенклатурное единство; тогда получитъ значеніе и то обстоятельство, что на важнѣйшихъ рѣчныхъ узлахъ встрѣчаются такіе центры какъ Перемышль, Бужскъ, Звенигородъ, въ началѣ историческаго періода обнаруживающіе какую то межеумочность и захудалость. Объемъ волостей этихъ центровъ неизвѣстенъ. Относительно Бужска и Звенигорода не опредѣлено въ точности даже ихъ положеніе; но широкій объемъ перемышльской епархіи на западномъ склонѣ горъ не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя, конечно, древнѣйшія ея границы въ этой сторонѣ не могутъ быть опредѣлены съ точностью.

Такъ же точно получитъ значеніе и безспорно историческій фактъ борьбы между новыми политическими центрами: Русью и Польшей, Польшей и Чехіей, Польшей и Угріей, Угріей и Болгаріей, Русью и Болгаріей. Наконецъ получитъ значеніе и упоминаніе по окраинамъ Карпатской территоріи загадочныхъ политическихъ союзовъ въ видѣ Червенскихъ и подунайскихъ городовъ и несомнѣнное продолжительное существованіе русскаго элемента въ Подунавьѣ, при чемъ начала этого элемента не рѣшился, какъ извѣстно, отнести опредѣленно къ XI вѣку и В. Г. Васильевскій, а теперь послѣ Пича и Кочубинскаго уже рѣшительно невозможно сомнѣваться въ ихъ старинѣ. Что касается упомянутой борьбы между примыкающими къ Карпатамъ государствами, то она доказываетъ несомнѣнно, что съ образованіемъ новыхъ политическихъ центровъ, Карпатская территорія оказалась спорною между всѣми этими центрами, иначе говоря, она находилась съ ними въ тѣсной связи. Что эта связь была чрезвычайно тѣсной доказываетъ обстоятельство, что борьба тянулась очень долго и, можно даже сказать, не завершилась и понынѣ.

Для исторіи этой борьбы имѣются хотя и скудные, но все же достаточно опредѣленныя данныя, но чтобы уразумѣть смыслъ и значеніе, ея необходимо раскрыть этнографическій характеръ Карпатской территоріи, и вотъ тутъ то и обнару-

живается необыкновенное значеніе древне-славянскаго юга, такъ ярко указанное Надеждинымъ и такъ злосчастно замолчанное нашей наукой. Я могъ бы впрочемъ сослаться не на одного Надеждина.

Развѣ самъ Шлецеръ считалъ возможнымъ выдѣлять древнѣйшую русскую исторію изъ славянской „da Slaven das Ganze, das genus, und Russen ein Theil, eine species sind", а гдѣ же можно схватить связь между родомъ и видомъ, какъ не на Карпато-дунайской территоріи?

Правильно понятый Шлецеромъ методъ долженъ былъ вести къ постановкѣ вопроса объ этой связи, если бы русская наука не возвела Шлецера въ боги, а его отдѣльныя положенія (ибо сущности метода она не схватила) въ догматы, благодаря чему оказалось возможнымъ только дальнѣйшее раскрытіе догмата, одностороннее, какъ всякое раскрытіе догмата: однимъ словомъ, Куниковы „Родзы"; правильное же развитіе стало невозможнымъ и взгляды, подводившіе къ нему, должны были остаться непонятными, что и случилось съ Надеждинымъ.

Тридцать или даже двадцать лѣтъ назадъ тяжелое положеніе нашей науки въ вопросѣ о нашей древности не было столь замѣтно, а теперь... Наша древность въ нашей наукѣ представляетъ въ полномъ смыслѣ слова разрушенную храмину: по клокамъ разнесенный норманизмъ и рядомъ шатающаяся поморская теорія; тутъ же безформенные клочки скиѳороксолано-болгарской теоріи Иловайскаго, далѣе столь же безформенные клочки скиѳо-гето-дакійскихъ блужданій Самоквасова, наконецъ едва-едва замѣтный готизмъ, который въ наилучшемъ случаѣ — допустимъ — объяснитъ названіе Русь, но никогда не объяснитъ ни взаимоотношенія, ни связи отдѣльныхъ частей славяно-русской массы, которая и при готизмѣ останется такой же rudis indigestaque moles, какою остается и понынѣ.

Смѣю думать, что въ данномъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ повторить слова Шлецера: In der ganzen Litteratur ist nur kein Beispiel bekannt, dass das Landes-Geschichts-Studium, unter irgend einem cultivirten Volke, einen so seltsamen Gang genommen hätte, wie hier (Nestor II, 283). Смѣю думать, что въ приложеніи къ Карпатской территоріи слова эти получаютъ гораздо болѣе яркій смыслъ и значеніе, чѣмъ у Шле-

цера, ибо мысль о Карпатахъ и Дунаѣ, начиная съ лѣтописи вьется какъ красная нить по всей нашей литературѣ.

Теперь вопросъ возникъ опять, возбуждаемый не только естественной логикой отношеній вида къ роду, но и какъ результатъ несомнѣннаго факта, что ни на сѣверѣ, ни на югѣ, а лишь на юго-западѣ обнаруживается связь языка земли русской съ землей за предѣлами Россіи, связь племенная и наконецъ культурная.

На почвѣ крайне обострившихся за послѣднее время вопросовъ о славянской древности вообще, на почвѣ тѣхъ грубыхъ противорѣчій въ мнѣніяхъ крупнѣйшихъ представителей науки, противорѣчій, какія теперь невольно поражаютъ даже профановъ, вопросъ о Карпатской Руси получаетъ особенное значеніе, ибо только здѣсь славянская наука можетъ получить твердую основу въ несмѣшанной этнографіи русскаго славянства, а русская наука можетъ пользоваться трудами славянскихъ ученыхъ безъ столь рѣзкаго перескока, какой былъ замѣтенъ доселѣ.

Повторяю съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, передъ нами вопросъ чрезвычайно крупный, и если Вирховъ и Лиссауэръ тщательно изучаютъ коллекціи чешскаго музея, то и намъ, кажется пора обратить серьезное вниманіе на обработку древностей у нашихъ соплеменниковъ. Нашу научную отсталость въ этомъ отношеніи мы не можемъ никакъ извинять, а обычное указаніе на рядъ вопросовъ и полную необработанность нашего домашняго матеріала не извиненіе, а самое тяжкое обвиненіе. Наконецъ, вопросъ о Карпатахъ для насъ тоже свой домашній. Тамъ цѣлые клады, но разница въ томъ, что тогда какъ нашъ матеріалъ можетъ немного и подождать, тамъ, при теперешнемъ режимѣ, эти клады пропадутъ безслѣдно, если мы не подумаемъ о снаряженіи туда экспедиціи не на нѣсколько мѣсяцевъ, а по крайней мѣрѣ на два года изъ 2—3 молодыхъ людей, которые могли бы зимой работать по немногу въ архивахъ и изучать мадьярскій и румынскій языки, а потомъ обслѣдовать подробно румынско-русскій, мадьярско-русскій и наконецъ, словацко-русскій рубежъ.

Не только наша честь, но и прямѣйшіе интересы нашей науки требуютъ скорѣйшаго устраненія нашей доселѣшней безучастности къ научному движенію у славянъ, мадьяръ и румынъ. Русскій ученый, немного ознакомившись съ тѣмъ, что

у нихъ дѣлается, краснѣетъ отъ стыда. Говорю это съ особеннымъ убѣжденіемъ, такъ какъ это призналъ и Д. Н. Анучинъ, съ которымъ я случайно встрѣтился въ Прагѣ; слѣдовательно это уже не личное только впечатлѣніе, а фактъ и очень грустный.

III.

Правила о преміяхъ А. С. Пушкина [1]),

утвержденныя Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. 15-го декабря 1895 года.

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1881 года, въ честь Александра Сергѣевича Пушкина учреждены при Императорской Академіи Наукъ преміи его имени за сочиненія, указанныя ниже въ пунктѣ 9-мъ.

2. На упомянутыя въ пунктѣ 1-мъ преміи назначенъ, согласно постановленію Высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину Комитета, капиталъ въ *двадцать тысячъ рублей*, оставшійся, за всѣми расходами на сей послѣдній предметъ, отъ собранной по подпискѣ суммы.

3. Означенный капиталъ, переданный въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ и обращенный въ процентныя бумаги государственныя или гарантированныя Правительствомъ, остается навсегда неприкосновеннымъ; преміи же присуждаются изъ процентовъ съ онаго.

4. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1,000 руб.; за сочиненія же, въ большей или меньшей степени отвѣчающія установленнымъ тре-

---

1) Высочайше учрежденный Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину, окончательно завершивъ въ 1880 году свою дѣятельность, передалъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени Пушкина 20,000 рублей.

бованіямъ, могутъ быть назначаемы половинныя преміи въ 500 руб. Комиссія имѣетъ право награждать представленныя на соисканіе премій сочиненія почетнымъ отзывомъ. Каждый разъ можетъ быть присуждаемо не болѣе одной полной или двухъ половинныхъ премій.

5. Преміи, оставшіяся неприсужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ невыданными, присоединяются къ основному капиталу.

6. Могущіе образоваться случайные остатки отъ суммъ, назначенныхъ на преміи не причисляются къ основному капиталу, а употребляются на покрытіе экстренныхъ расходовъ, какъ-то: на заготовленіе медалей для рецензентовъ, на публикаціи и т. п.

7. Пушкинскія преміи присуждаются Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Присужденіе премій, начиная съ 1895 года, производится черезъ одинъ годъ, то есть въ нечетные годы, именно въ 1897, 1899, 1901 и т. д.

8. Для соисканія премій, сочиненія присылаются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности самими авторами ихъ; но премія можетъ быть присуждаема и за такое сочиненіе, которое по какой-либо причинѣ авторомъ его представлено не было.

9. Пушкинскими преміями награждаются *напечатанныя* на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія трехъ родовъ: а) ученыя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, по исторіи русской литературы вообще въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и по иностранной литературѣ, насколько таковая имѣла вліяніе на отечественную въ означенномъ пространствѣ времени; б) такія произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ, которыя, при довольно значительномъ объемѣ, отличаются высшимъ художественнымъ достоинствомъ, и в) обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной литературѣ.

Примѣчаніе. Переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній допускаются на конкурсъ наравнѣ съ оригинальными сочиненіями.

10. Изъ категоріи трудовъ, подходящихъ подъ правила Пушкинскихъ премій, исключаются: а) послѣдующія изданія сочиненія, которое уже было увѣнчано этою преміей въ одномъ изъ прежнихъ изданій, если оно не подверглось такой

переработкѣ, что можетъ считаться за новый трудъ; б) сочиненія, уже награжденныя какою-либо другою изъ имѣющихся при Академіи Наукъ премій; в) сочиненія, со времени перваго или вполнѣ переработаннаго изданія которыхъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, и г) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ. Кромѣ того, Пушкинской преміей не могутъ быть награждаемы сборники необработанныхъ матеріаловъ.

11. Къ участію въ разсмотрѣніи принятыхъ на конкурсъ сочиненій и къ составленію критическихъ разборовъ ихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ, по своему усмотрѣнію, приглашать постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Для окончательнаго обсужденія внесенныхъ на соисканіе трудовъ Отдѣленіе приглашаетъ тѣхъ же или другихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними образуетъ комиссію, число членовъ которой должно составлять не менѣе семи; для присужденія же преміи требуется не менѣе пяти одобрительныхъ голосовъ, собираемыхъ посредствомъ закрытой баллотировки; при большемъ же составѣ комиссіи, не менѣе двухъ третей числа ея членовъ.

12. Сочиненія могутъ быть представляемы на конкурсъ до 29-го января предшествующаго присужденію премій года. Отчетъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина читается однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ особомъ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, 19-го октября.

13. Преміи выдаются лишь самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но никакъ не издателямъ увѣнчанныхъ сочиненій.

14. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи Наукъ, могутъ быть выдаваемы медали.

15. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, то или другое изъ настоящихъ правилъ оказалось не вполнѣ удобнымъ, то объ измѣненіи оныхъ Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашивается разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однако же самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.